

Уголки губ Цуй Се на миг опустились, но он тут же упрямо поджал их и произнес:

— На самом деле я тоже научился писать стихи.

На губах Се Ин заиграла легкая улыбка — казалось, он ни капли в это не верил. Взгляд Се Ин задел тщеславие Цуй Се, и тот уверенно добавил:

— Правда научился! В прошлый раз, когда его величество призвал меня во дворец для беседы, он повелел мне сложить стихотворение по правилу. И я ведь написал! Теперь, думается мне, сочинять стихи вовсе не трудно. В худшем случае получается так себе...

Хорошее стихотворение сложить тяжело, а вот посредственное — проще простого. Главное — соблюдать тональность да рифму, вот и готово стихотворение. Император же не казнил его за это, так с какой стати другие должны взъесться?

Он говорил настолько убедительно и резонно, что Се Ин даже не нашел, что возразить. Впрочем, подданным не пристало равняться с государем, поэтому Се Ин не спешил восторгаться его поэтическим даром. Покачав головой, он с улыбкой заметил:

— Ты умеешь смотреть на вещи проще. Но в столице собрались таланты со всей Поднебесной. И если ученые из Гоцзыцзянь — это еще полбеды, то в Академии Ханьлинь есть высокомерные гении, попавшие туда с юных лет. Они ни во что никого не ставят. Если кто-то захочет состязаться с тобой, а ты не сможешь блеснуть хорошим стихом, будет неловко.

Говоря это, он слегка коснулся пальцем своей щеки. Его глаза прищурились, образуя мягкие припухлости под нижними веками, а выражение лица было настолько теплым и дружелюбным, будто они знали друг друга много лет.

В школьные годы Цуй Се привык дурачиться с одноклассниками. Се Ин выглядел примерно его ровесником, и вот так сидеть за одним столом и шутить напоминало ему о прошлых днях. Поглаживая подбородок, он невольно проявил свою истинную натуру и беспечно ответил:

— Ничего страшного. Зато я красивый.

Рука Се Ин замерла в воздухе, и он искренне расхохотался.

Отсмеявшись, он все еще лучился весельем, смотря на Цуй Се:

— Раньше я знал лишь то, что ты прекрасно рисуешь, а сегодня понял, насколько ты мудр в речах. Пожалуй, впредь мне не нужны твои картины. Да и на праздники не трать силы на поиск подарков — просто приходи и поделись со мной своими мудростями.

Цуй Се отвел взгляд, сделав вид, будто не понял шутки.

Глядя, как тот подпер подбородок и отводит глаза, Се Ин хотел было продолжить подраживать ему. Однако, опустив взгляд от руки у подбородка, он заметил, что складка на рукаве отглажена неплотно, а черная кайма слегка оттопыривается. Улыбка на лице Се Ин угасла. Прикоснувшись к краю рукава, он произнес:

— У тебя манжета оттопырилась. Сними, пусть слуги отгладят.

Он хлопнул в ладоши, и из галереи тут же вошел слуга за приказаниями. Цуй Се прижал рукав и отмахнулся:

— Не стоит беспокоиться, дома попрошу челядь отгладить...

— Мы скоро будем обедать, в таком халате ходить неудобно, — возразил Се Ин. — У меня есть несколько повседневных нарядов со времен юности, совершенно новых. Переоденься, так тебе будет куда удобнее.

В те дни Се Ин носил траур по отцу, поэтому все яркие одежды были убраны на дно сундуков. Фигура Цуй Се была похожа на его прежнюю, так что вещи должны были прийти в пору.

Он приказал принести отглаженную одежду и предложил Цуй Се переодеться за ширмой, а его собственный слишком широкий халат забрали, чтобы перешить и выгладить заново. Наряд, доставшийся Цуй Се, по странному совпадению оказался алой плиссированной нижней одеждой с золотым брызнувшим узором и широким плиссированным подолом, а поверх нее надевалась белая безрукавка-даху.

Цуй Се впервые надел подобие юбки — этот столь щегольской наряд заставлял его чувствовать себя неловко. Ему казалось, будто подол парусником раздувается от ветра, и он то и дело поправлял складки, тихо вздыхая:

— Эта одежда точно для вельмож, нам, простым людям, к такому не привыкнуть.

Се Ин, полуобернувшись в зале, оглядел его и неторопливо улыбнулся:

— Тебе очень идет. Во всем Пекине не найти другого такого красавца.

От автора:

Вот список справочной литературы, использованной в работе. При написании частей про багувэнь основными источниками послужили: «Комментированное Четверокнижие» Чжу Си, «Анализ багувэнь» Гун Дуцина, «Официально утвержденное и прокомментированное Четверокнижие» Фан Бао. Тексты багувэнь во многом содержат оригинальные цитаты или комментарии к соответствующим главам, поэтому с опорой на «Четверокнижие» их гораздо проще понять.

Тем временем дело близилось к полудню. Се Ин велел кухне готовить угощения и подать гаоляновое вино собственного приготовления.

Он сказал Цуй Се:

— Это ведь тот рецепт, что ты дал мне в Тунчжоу. Я велел слугам в поместье полгода экспериментировать, прежде чем получилось как надо. Потом вино выдержали в земле больше года — на вкус оно стало куда мягче и насыщеннее, чем то, что я присылал тебе. И не думал, что гаолян, который в каше есть невозможно, в виде вина превзойдет и южное рисовое вино, и столичное пшеничное! Вышло сладкое, богатое вкусом... Интересно, кто додумался до такого рецепта?

Это был рецепт конца эпохи Цин, конечно, он был куда лучше, чем в раннюю эпоху Великой Мин...

Цуй Се виновато улыбнулся и ответил:

— Во всяком случае, рецепт не из нашей Великой Мин, а прибыл из внешних земель. Разве не говорят, что в море живут небожители? Их хмельной напиток, разумеется, получше, чем в

обычных тавернах.

Се Ин кивнул, взял небольшой кувшин, своими руками сбил глиняную печать, налил маленькую чарку и пододвинул к Цуй Се:

— Сегодня прошу брата Цуя выпить «Вина небожителей» и откусать мяса небожителей.

Слуга принес резную шкатулку с восемью закусками к вину: свежими сливами, нежной черешней, запеченными с сахаром баклажанами, молодыми дыньками, бамбуковыми побегами Тяньму, рыбой в имбирно-уксусном желе, фаршированным желудком и сушеной лягушатиной.

Вскоре подали и основные блюда. Сначала — свиную голову, распаренную до полной мягкости, из которой аккуратно убрали все специи, оставив лишь полосы мяса: шкурка блестела красновато-соевым глянцем, а жир стал прозрачным. Затем подали «мясо небожителей», тушенное в вине и выдержанном соевом соусе, жареную курицу по-сычуаньски с каштанами и побегами бамбука, обжаренного с двух сторон домашнего карася, тушенный с куриными крошками и ветчиной тофу «Восемь сокровищ» и тушеную черепаху...

Кроме драгоценной пиалы с ласточкиными гнездами, тушенными в восковой тыкве, остальные кушанья были довольно простыми и домашними, без излишней роскоши.

Се Ин лично положил ему палочками кусочек мяса в тарелку:

— Попробуй эту свиную голову по-сычуаньски, у нее выраженный пряный и терпкий аромат. Когда покойный батюшка служил в Сычуани, наш повар перенял местный рецепт с большим количеством амомума и хуацзяо. Это совсем иной вкус, нежели у столичной тушеной свинины.

Узнав, что отец Се Ин скончался, Цуй Се ощутил укол грусти. Ему показалось, что цянху Се разделяет его собственную печаль. Но в своем нынешнем положении он не мог, как в современном мире, похлопать Се Ин по плечу и сказать: «Вообще-то я тоже сирота». Поэтому он лишь поднял кубок:

— Я и не знал, что ваш батюшка покинул этот мир. Заставил брата Се вспомнить о печальном — виноват...

Он уже собрался выпить штрафной кубок, но Се Ин остановил его:

— Я сам завел этот разговор, в чем твоя вина? Кому из нас, военных, суждено умереть от старости в постели? К тому же покойный батюшка пал смертью храбрых во время подавления восстания мяо. Память о нем — честь для потомков, так к чему печалиться...

Его голос постепенно тишал. Налив себе кубок, он выпил и вздохнул:

— Хорошее вино. Это дистиллированное из закваски вино выходит куда ароматнее, чем из легкого осадка.

Цуй Се молча пригубил свой кубок и подхватил тему перегонки:

— На самом деле перегонный куб, в котором дистиллируют готовое хмельное сусло, может пригодиться и для другого. Если перегнать готовое вино несколько раз, получится невероятно крепкий спирт. Пить его нельзя, зато если промывать им раны, они не будут гноиться и заживут гораздо быстрее.

— Вообще-то это крепкое вино и так обожжет кого угодно, — удивился Се Ин. — Я видел, как им промывают раны, и впрямь заживает быстрее. Но неужели нужно перегонять еще сильнее? И почему его нельзя пить? Ты сам пробовал перегонять и пить такое?

Цуй Се уклончиво ответил:

— Я от этого вина выпью глоток — и уже горло горит, голова кружится. А если выпить то, что перегнано еще не раз и гораздо крепче, разве не сожжешь себе весь язык? Понятно же, что пить его нельзя. Но раз крепкий алкоголь помогает ранам затягиваться, значит, чем он крепче, тем сильнее лечебные свойства. Перетерпеть укол боли — и организму только польза.

Се Ин слегка улыбнулся:

— В этом есть смысл. Позже я велю слугам достать перегонный куб и попробовать.

С этими словами он прикрыл рукой кубок Цуй Се, отставил его на край стола и обернулся к слугам:

— Нацедите молодому господину Цую свежего вина «Таоюань».

Свежевыбранное вино, в которое еще не добавили вторую порцию закваски, после процеживания напоминало сладкий рисовый сок — от него невозможно было опьянеть, сколько ни пей.

Перейдя с гаолянового вина на легкий слабоалкогольный напиток, Цуй Се стал пить куда смелее — выпивал по чарке за раз и легко одолел с полкувшина даже без закуски. Се Ин выбрал для него спелую сливу, маленьким серебряным ножиком разрезал пополам, вынул косточку и положил в его тарелку, чтобы тот закусил.

Цуй Се подхватил сливу, съел ее, окинул взглядом стол с блюдами и в ответ заботливо положил палочками кусочек рыбного желе на тарелку Се Ин.

<http://bllate.org/book/18372/1761350>